

СПАСЕТ ЛИ КРАСОТА МИР? ПО ПОВОДУ АГРЕССИИ ГРУЗИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И АБХАЗИИ

Рассматривается двойственная природа красоты, как её понимал Ф.М. Достоевский. Делается вывод, что красота, несущая зло и разрушение, не способна спасти мир. Утверждается, что США и страны Запада, руководствуясь в своей политике расчетом, прибылью, успехом, властью, насилием, несут миру состояние перманентной войны.

Ключевые слова: красота, агрессия, утопия, геноцид.

«Культура! Культура!» – кичатся двуногие звери,
Осмеливающиеся называться людьми,
И на мировом языке мировых артиллерий
Внушают друг другу культурные чувства свои!

И. Северянин

I

Накануне и в первые годы «перестройки» разного рода темные личности – расслабленные, юродивые, галлюцинаторы, авантюристы – со всех трибун и во всех средствах информации усиленно кричали, что необходимо срочно «войти в “цивилизованный” европейский мир», что «Запад нас спасет и накормит», что «так жить нельзя», имея в виду, что в стране было бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на труд и на отдых, самая низкая преступность в мире, не существовало бедных и т.д. Эти фиктивные лозунги быстро исчезли ввиду их явной несообразности реальной действительности – остался полный конфуз, однако один из них, несколько выделяющийся по своему смысловому значению и не носящий политического оттенка, сохранился и по сей день. Нет-нет да и прозвучит яркий и удивительный афоризм «красота спасет мир», несмотря на все преступления и геноцид, совершаемые в современном мире, на преднамеренное разрушение памятников культуры и искусства народов, подвергшихся агрессии Запада (в первую очередь США), на экологическую катастрофу, вызванную деятельностью однополярного, глобализированного мира. Выкликивающие эту веру и надежду великого мыслителя сегодня объективно *затухивают* все антагонизмы и противоречия преступного мира и способствуют прикрытию тех зверств и чудовищного насилия, совершаемого Западом – в первую очередь США и их клиентами – в отношении стран и народов так называемого «третьего мира», или «стран Юга». В силу указанных причин следует признать, что лозунг «красота спасет мир» несвоевременный, пустой и бессодержательный в современном мире, который «колеблется над бездной», находится у последней черты вселенской катастрофы. «Эту фразу без конца мусолят те, у кого нет своих мыслей, кто не самостоятелен в мышлении, – пишет известный русский философ Ф.А. Селиванов. – Их тешит то, что они думают так, как великие – действительные или мнимые» [1. С. 182]. Утверждение, что красота спасет мир? крайне неопределенно во многих отношениях. Что такое «красота»? Ее параметры не заданы, можно только догадываться, что она собой представляет. Красоты как таковой не существует – у нее нет тождественного себе онтологического статуса; красота определяется эстетическими воззрениями людей, живущих в границах своей культуры, поэтому

представления о ней у зулусов, эскимосов, аборигенов Австралии или европейцев будут принципиально различными.

Кого спасет «красота»? Мир, в котором живут люди, в социальном плане противоречив и неоднороден. Есть бедные и богатые, есть крестьяне, прозябающие в тысячелетней нищете, и горожане, ютящиеся в фавелах; есть иностранные рабочие, рабочие-иммигранты и свободные рабочие развитых стран. Над всеми ними возвышаются банкиры, воротилы бизнеса, магнаты печатных и электронных средств связи и т.д. Могут ли названные социальные слои и классы спасти друг друга? Могут ли также израильтяне спасти палестинцев, американцы – пуштунов, англичане – ирландцев, французы – алжирцев? Вопрос в значительной степени праздный в силу своей очевидности.

Следует сказать, что спасающие «красотой» чаще всего не подозревают, кому принадлежат эти удивительные слова – то ли Сократу, то ли Платону, то ли Фоме Аквинскому; тем более, они не догадываются, что великий писатель высказал эту идею не прямо – не сам, а опосредованно – через князя Мышкина. И кроме того, как свидетельствует весь контекст произведения, создается впечатление, что у самого Достоевского в период написания романа «Идиот» не было ясного представления относительно идеи спасения мира «красотой». Об этом говорят следующие факты. Во-первых, отдельные фразы о красоте как бы вырваны из контекста, звучат обособленно от основного текста, и скорее похожи на фразы-заклинания. Никакого развития в диалогах героев романа идея красоты не получает. Вот типичный пример. Когда основные персонажи внимательно рассматривают портрет Настасьи Филипповны, князь Мышкин ограничивается замечанием: «В этом лице страдания много...». Аделаида находит, что в нем «Эдакая сила!». На вопрос Лизаветы Прокофьевны она отвечает: «Такая красота – сила, ...с этакою красотой можно мир перевернуть!»

Чуть раньше, во время той же беседы князя Мышкина с Аделаидой, Александрой, Аглаей и Лизаветой Прокофьевной в доме Епанчиных, Мышкин, глядя на Аглаю, говорит: «Ды чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна, Вы так хороши: что на вас боишься смотреть. – И только? А свойства? – настаивала генеральша. – Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота – загадка». Вот, собственно, и все, что сказано о красоте в большом романе, насчитывающем сотни страниц.

Во-вторых, по прочтении романа остается много неясного в сущности «красоты» – того, что можно только домысливать самому читателю, а также обращаться ко всему творчеству писателя, особенно к постижению его религиозного мировоззрения и учения о Боге, чтобы восполнить недостающий пробел. В данном же случае в романе «красота» понимается как «сила», как «загадка» и что посредством «красоты» можно спасти мир.

В-третьих, удивительно то, что сам князь Мышкин нигде не говорит, что «мир спасет красота». Об этом мы узнаем не через прямую речь, но от других персонажей романа; эти его заявления находятся «за кадром», и читателю предоставляется право самому домысливать о делах и взаимоотношениях героев, совершаемых за рамками повествования, что придает всему происходящему еще большую насыщенность, динамичность и глубину «новых миров». «Правда, князь, – спрашивает Ипполит Мышкина, – что мир спасет «красота»? Господа, – закричал он громко всем, – князь утверждает, что мир спасет красота!» Во время встречи Мышкина с Аглаей она его предупреждает: «Слушайте, раз навсегда, ...если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «мир спасет красота», то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!».

Но Достоевского, конечно же, не могло удовлетворить понимание «красоты» наподобие античному, как то, что «нравится», привлекает «взгляд», как красота тела и души (калокагатия), как «сияние». «Красота» у него имеет иной онтологический статус, а вовсе не ограничивается только эстетическим содержанием, как некая гармония и пропорциональность частей универсума (апполоническая красота). «Красота» имеет божественное происхождение, она выражает сущность Бога, а человек ее постигает через приобщение к Нему. Постигая красоту в Боге, человек *преображается* и начинает видеть прекрасное в сотворенном Богом мире. «О, я только не умею высказать... – восклицает Мышкин – а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»

Вот здесь-то и следует самым решительным образом не согласиться с теми, кто идею «красоты-спасения» Достоевского пытается интерпретировать безотносительно к религиозному мировоззрению и рассматривать с атеистических, естественно-научных или «натуралистических» позиций. Здесь обнаруживается факт откровенного воровства и присвоения чужой идеи; вне христианского учения эта удивительная мысль теряет свой первоначальный смысл и содержание, поскольку представление о красоте за рамками православной религии приобретает уже другое, самое различное толкование: красота для католика будет иной, чем для мусульманина, для эскимоса иной, чем для бушмена. Даже в пределах одной культуры, например европейской, идея красоты претерпевает существенные изменения: критерии красоты в Средние века, в эпоху Кватроченто и Чинквеченто, в Новое время

(барокко, Просвещение, неоклассицизм, романтизм, викторианство, современное искусство, авангард, массмедиа) не совпадают [2. С. 440]. О какой красоте говорят представители естественно-научной философии? Чья красота спасет мир: красота эскимоса, зулуса, пуштуна, католика или протестанта? Красоты как таковой в природе нет, все эстетические представления о прекрасном находятся во внутреннем мире человека-субъекта. Красота в природе существует только для христианства; мир прекрасен, потому что является творением Божиим. Для православия и русской христианской философии «красота» – не гносеологическая и эстетическая категория, «...красота есть характеристика высшего качественного состояния бытия, высшего достижения существования. Можно сказать, что красота не есть лишь категория эстетическая, но есть и категория метафизическая. Если что-нибудь воспринимается человеком целостно, то именно красота. Мы говорим: прекрасная душа, прекрасная жизнь, прекрасный поступок и т.д. Это не есть лишь эстетическая оценка, это целостная оценка. Все гармоническое в жизни есть красота. Во всяком соответствии есть элемент красоты. Красота есть конечная цель мировой и человеческой жизни» [3. С. 326]. Царство Божье может быть представлено только как царство красоты. Всякое преобразование человека и мира, говорит Бердяев, есть также явление красоты. «С самых первых веков отцы Церкви постоянно говорят о красоте всего сущего. Из Книги Бытия люди знали, что на исходе шестого дня Бог увидел, что все им сотворенное хорошо (1, 31), а книга Премудрости Соломона напоминала, что мир был создан Всевышним в соответствии с *числом, весом и мерой*, то есть в соответствии с критериями математического совершенства» [4. С. 43]. Следовательно, если человек постигнет красоту Бога, то увидит и откроет для себя красоту в природе. Открытие божественной красоты, разлитой в мироздании, необратимо *преобразит* человека, и он проникнется христианской любовью. «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле, – говорит старец Зосима. – Любите все создание божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите каждую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божью постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью» (Братья Карамазовы).

Христианская любовь бескорыстная и чистая; человек любит не из «выгодной выгоды» и расчетливой корысти, но по велению сердца; такая любовь исключает всякую мстительность, завистливость и злобу. «Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее, – говорит старец Зосима, – ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его» (Братья Карамазовы).

Возможно ли говорить о таком понимании «красоты» для тех, кто не разделяет христианского мировоззрения и стоит на естественно-научных позициях в фи-

лософии, а так же тех, кто саму жизнь понимает как насилие и агрессию, но вовсе не как череду праведных поступков. Ответ очевидный – невозможно! Философы, сохранившие себя со времен «диалектического материализма» эпохи «красной профессуры», в лучшем случае идею «красоты» понимают эстетически. Эстетика ограничивается *искусством* и не имеет отношения к живой действительности. «Спасение мира через красоту есть спасение через святость, через явление той силы, которая задавлена грехом, – говорит о проблеме красоты в миросозерцании Достоевского выдающийся русский философ В. Зеньковский. – ... в формуле о спасении мира через красоту дана не апология искусства, а дана *религиозная идея* – спасение мира через святость, через восстановление образа Божия в нас» [5. С. 272–273]. Любая эстетическая концепция красоты бессильна спасти мир, поскольку в ней разорвана связь красоты и любви, искусства и морали. Беда в том, говорит Достоевский, что «эстетическая идея помутилась в человеке». Теория всегда только теория и не имеет отношения к реальной действительности. Эстетическая теория современных философов, будучи «натуралистической», проходит мимо той стороны предметного мира, которая открывается человеку через обнаружение «смысла», «мудрости» в преднайденной природе. «Красота» мира в миросозерцании Достоевского понимается как некая идеальность, восходящая к софийной глубине мира; «спасение» мира возможно при условии, что с «красоты», являющейся ликом божественной Софии, снято темное покрывало греха и неправды. В идее Достоевского «красота спасет мир» нет ничего от естественно-научного рационализма и материализма, она есть художественное выражение христианского учения о мире, как его понимает православная церковь.

Но «красота» – не только спасение мира, о чем говорят представители естественно-научного материализма и «натуралистической» эстетики. Красота противоречива и двусмысленна, и в ней наряду с добром и любовью содержится страшная разрушительная сила зла. Уже в «Идиоте» можно видеть первые симптомы тревоги, которые рождаются в душе князя Мышкина во время разговора с Ганей по поводу красоты Настасьи Филипповны. «Удивительное лицо! – ответил князь, – и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!»

«Ах, кабы добра!» – фраза, заставляющая усомниться в том, что «красота» есть исключительно любовь и спасение. Сомнение о спасительной силе «красоты» уже вскользь выражено в речи Ипполита. Передавая присутствующим слова князя о спасительной силе красоты, он спрашивает его: «Какая красота спасет мир?» Ответа не последовало и, следовательно, можно допустить, что есть какая-то иная красота, которая не спасет мир. Если «красота» не несет добра, то в таком случае она есть источник зла и разрушения.

Ключ к разгадке великой «эстетической утопии» (В. Зеньковский) Достоевского «красота спасет мир» лежит в его антропологии. Понять сущность «красоты» невозможно иначе, как обратившись к постижению

природы человека. Тема человека в творчестве Достоевского занимает исключительно важное место; человек есть такой микрокосм, вокруг которого вращается весь мир, бытие, макрокосм. Судьба человека-микрокосма тесно переплетается с судьбой мира-макркосма, но в этом переплетении судьбе человеку отводится главная роль. Такая «исступленность и исключительность» антропологизма и антропоцентризма объясняется тем, что у великого писателя «представительство» о человеке и его судьбе доведено до боготорчества, но эта борьба заканчивается вручением судьбы человека в руки Богочеловека – Христа. Антропологизм Достоевского является *христианским* по содержанию. «У Достоевского нет ничего, кроме человека, нет природы, нет мира вещей, нет в самом человеке того, что связывает его с природным миром, с миром вещей, с бытом, с объективным строем жизни. Существует только дух человеческий, и только он интересен, он исследуется» [6. С. 26–27].

Каким предстает человек в изображении Достоевского? Мы не найдем в нарисованном им образе человека ничего умозрительного, отвлеченного, надуманного; человек показан не с позиции вымышленного абстрактного гуманизма, но таким, какой он есть в реальной жизненной ситуации – «существо на двух ногах и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостаток его; главнейший недостаток его – это постоянное неблагонаравие, постоянное, начиная от Всемирного потопа до Шлезвиг-Гольштейнского периода судеб человеческих» (Достоевский Ф.М. Записки из подполья). Человеческая душа есть загадка, непостижимая для рационального ума; ее сложность и противоречивость приводит к тому, что человек остается «неустроенным» в земной жизни: ему никогда не создать социальное общежитие на разумных основаниях в силу того, что он существо больное – «разложение» и «преступление». Люди вовсе не «дети Божьи». Они есть носители зла, лжи, разрушения и разложения; нет никаких внешних причин, делающих человека порочным, причина всех человеческих несчастий кроется в самом человеке. «Темное в человеке, хаотичность и неустроенность души, власть подполья и аморальность его, жуткая сила пола, – говорит Зеньковский, – все эти темы были нужны Достоевскому, чтобы осмыслить то, на что он нагляделся на каторге, и чтобы сбросить с себя власть этих жутких видений» [5. С. 267]. Чтобы понять человека, недостаточно апеллировать к его разуму и видеть в *animal rationale* вершину в эволюции природы творящей (*natura naturans*); человек – это «ужасающая темнота души», заглянув в которую Достоевский испытал острое желание пойти по пути спасения человечества. Христианская идея *спасения* лежит в основе всех духовных исканий великого мыслителя, и его утопия «красота спасет мир» является одним из таких способов спасения человечества. Но поскольку человек – существо высокое и низкое – образ Божий и образ сатанинский – ангелоподобное и демоническое, то идея «красоты-спасения» оказывается явно недостаточной, чтобы вернуть человека в лоно Божье, ибо красота изначально задавлена злом и грехом. Эстетическая философия Достоевского такова, что она сама вступает в противоречие с его эстетической утопией и разруша-

ет ее. «Красота» в ином обличье выступает в «Бесах»: Ставрогин выражает такую идею «красоты», которая говорит о ее эстетическом «помутнении» в человечестве. В «Бесах» все говорят о красоте, замечает Зеньковский, заморожены ею, однако о такой «красоте», где разорвана связь красоты и добра.

Но наиболее полное выражение красоты как «греха», как «двусмысленности эстетического восприятия», в котором стерты границы между добром и злом, мы находим в романе «Братья Карамазовы». Вот знаменитые слова Дмитрия, обращенные к Алеше: «Я падаю и считаю это для себя красотой. — Красота это страшная и ужасная вещь. Страшная потому, что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Красота. Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны и горит от него сердце. Нет, широк человек, слишком широк, я бы сузил. Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... В содоме красота и сидит для огромного большинства людей — знал ли ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут диавол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

В этой краткой, но гениальной тираде выражены все противоречия красоты, над которыми мучительно размышлял Достоевский: красота не только в идеале Мадонны, но и в идеале содомском, красота не только божественна, но несет и демоническое начало. Поэтому Ставрогин «в обоих полюсах находил совпадение красоты, одинаковость наслаждения», ощущал притягательность того и другого в силу полярности человеческой природы (*«двусмысленность эстетического восприятия»*). — Зеньковский). «Власть видел в красоте и Достоевский, — цитирует С. Маковский размышления о красоте И. Анненского, — но это была для него уже не та пьянящая власть наслаждения, для которой Тургенев забывал все на свете, а *лирически-приподнятая, раскаянно-усиленная исповедь греха*. Красота Достоевского то каялась и колотилась в истерику, то соблазняла подростков и садилась на колени послушникам. То цинически-вызывающая, то злобно-расчетливая, то неистово-сентиментальная красота носила у Достоевского глубокую рану в сердце; и почти всегда — или паденье, или пережитое его страшное озлобление придавали ей зловещий и трагический характер. Таковы Настасья Филипповна, Катерина Ивановна, Грушенька и Лиза, героиня «Бесов». «Красота всех этих девушек и женщин, но странно — никогда не замужних, если красота их точно должна быть обаятельна, — не имеет в себе в сущности ничего соблазнительного... Настасья Филипповна, Аглая и другие как-то уж слишком великолепны. И при этом они не только сеют вокруг себя горе, но даже сами лишены отрадного сознания своей власти. Это, прежде всего, мученицы, иногда веселые, дерзкие, даже расчетливые, но непременно мученицы. В женщине, правда, Достоевский красоту все же допускал и даже, пожалуй, по своему любил. Но красивые маски мужчин, как Ставрогин и Свидригайлов, были

ему отвратительны и страшны, хотя страшны и совсем по другому. Если у женщин красота таила чаще всего несчастье, рану в сердце, глубоко мстительное оскорбление, то в мужчине красота заставляла предполагать холодную порочность» [7. С. 143]. Итак, идея «красоты» Достоевского предполагает, что можно начать с Мадонны и кончить Содомом, в котором сердце усматривает красоту («помутнение эстетической идеи в человечестве»). Красоту можно видеть в грехе и моральном разложении, поскольку она находится «по ту сторону добра и зла» (Ницше); *«нет никакой внутренней связи между красотой и добром, красота равнодушна к добру и на красоту нельзя положиться»* [5. С. 276].

Далее. На вершине постижения «красоты» («высший даже сердцем человек и с умом высоким») находятся люди, которые *совмещают* идеал Мадонны с идеалом содомским. Вот здесь-то и возникает *загадка* красоты; ее можно видеть во зле, и она уравнивает добро и зло. Здесь обнаруживается не только двусмысленность красоты, но и «ужас», который она приносит с собой.

«Ужас» красоты со всей силой проявляется в «жуткой силе пола». Связь красоты с полом является загадкой потому, что пол связан с красотой не только в нормальных, но и *извращенных* отношениях. Извращения в области пола («позор» для ума) предстают таковыми только с точки зрения морали, морального сознания, с эстетической же точки зрения они не подлежат осуждению. «Бесспорно, эстетические оценки не заключают в себе той мучительности, которая есть в оценках моральных, — говорит Бердяев. — И, может, именно поэтому дьявол хочет воспользоваться красотой для своих целей. Красота может стать демонической не по своей сущности, не потому, что она есть, она может быть лишь использована в борьбе полярно противоположных сил» [3. С. 327]. Человек ищет красоту как в окружающей действительности, так и в поле. В этом и есть ужас того «открытия», которое делает Достоевский, замечает Зеньковский.

«Широк человек, слишком широк, — говорит Дмитрий Карамазов, — я бы сузил». В этих словах выражена мысль Достоевского о том, что человек — сложное и противоречивое существо: он помимо своей воли стоит перед двумя безднами — возвышенной и низменной; он велик и силен, мал и ничтожен одновременно.

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю — о том не рассуждаю.

Ф. Тютчев

Человеку никогда не овладеть свободой, потому что он не в состоянии противостоять соблазнам — красоте содомской. Эстетика делает проблему свободы шире и трагичнее, нежели она представляется только моральному сознанию. Загадка красоты состоит в том, что она непостижимым образом связана с духовным противостоянием человека перед двумя безднами и равнодушно взирает на его борьбу — к победе добра она не имеет никакого отношения.

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Ф. Тютчев

Красота не имеет отношения к добру, как думает князь Мышкин и Достоевский в своей эстетической

утопии. Теперь – в романе «Братья Карамазовы» – красота предстает в другом обличье – обличье «раны в сердце», «греха», и она не только не спасает мир, но его губит. Губительная сила красоты проявляется в «безудерже пола», ибо пол, будучи источником всего высокого, является также причиной самых ужасных падений (исповедь Ставрогина). В погоне за красотой человек не может устоять перед соблазном красоты содомской; в этом факте проявляется слабость, беспомощность и невозможность «устроения» человека в жизни на разумных основаниях. Красота есть для человека загадка.

Красота... «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Красота такова, что она находится в сердце человека, но сердце беспомощно перед ней, поскольку та ослепляет его и тем самым лишает сердце моральной силы и свободы. Поскольку таких людей, как старец Зосима или Алеша не существует – это всего лишь идеализированные персонажи, – постольку красота оказывается бессильной в деле спасения мира. Красота не обладает никакой силой спасения; напротив, *«красоту в мире нужно спасать»* – вот страшный трагический вывод, к которому подходит, но который не смеет осознать Достоевский. Красота в мире является предметом “борьбы” между злым началом и Богом» [5. С. 277].

Итак, согласно христианскому мировоззрению Достоевского, которое в значительной степени было натуралистическим, существует два вида красоты: метафизическая красота – вечная и неизменная красота Бога – и земная красота – красота природы сотворенной (*natura naturata*). Земная красота несет в себе изначально два противоположных начала – добро и зло. Раздвоение красоты есть отражение двойственной природы самого человека: «злая красота» не что иное, как человек падший, существо больное – «разложение» и «преступление». Люди отнюдь не «дети Божьи» но способны на всякие подлости и мерзости, разложение и разрушение. Видимо, с самого начала человек был «сделан из слишком кривого дерева, чтобы из него можно было выстругать что-нибудь совершенно прямое» (Кант) и его в принципе невозможно переделать. Такой человек не видит и не понимает красоты и своей эгоистической деятельностью разрушает и губит красоту. Красота сама по себе бессильна и никого не спасет.

II

В современном мире идея красоты потеряла свое значение; о красоте никто не вспоминает и никто не представляет, что такое красота. Люди живут совершенно другими интересами и обходятся без красоты – на смену ей приходят расчет, прибыль, успех, власть, насилие. В них современный человек находит себя и оттого не чувствует дискомфорта от утраты той стороны жизни, которая определяла существование людей прошлых эпох: Античности, Средневековья, Возрождения. Современное состояние общественной жизни характеризуется «гибелью красоты» или ее «умалением». Человеческое бытие становится все более некрасивым; даже искусство, призванное воспевать красоту,

«отрекается от красоты». Объяснение этому философы находят в эпохе, которая характеризуется развитием науки и техники. «Век техники, век масс, век подавляющих количеств, век ускорения времени не оставляет места для красоты. Как будто бы торжество большей социальной справедливости делает жизнь некрасивой, во времена социальной несправедливости жизнь была красивее» [3. С. 380].

Современное западное общество характеризуется состоянием страха и войны, терроризма, возведенного на государственный уровень, абсурдом парламентской демократии. Последняя как некая самоцель превратилась в «парламентский фетишизм», который, по сути, заменяет подлинную демократию. Этот фетиш со всей очевидностью показывает разрыв между средствами и целями в деятельности. Западная демократия построена на лжи, и эта ложь состоит в том, что партии, стремящиеся к власти, используют лживые средства для достижения своих целей. В борьбе за получение большего количества голосов используются любые средства: подкуп, фальсификация результатов голосования, обман избирателей, заказные убийства. Избирательная кампания держится на страхе; в выборах, к которым призывает государство (например, французское), присутствует «два вида страха» [8. С. 7]. Страх «сущностный» – субъективное состояние людей господствующего и привилегированного круга по причине их вечного господства. Он находит выражение в страхе перед иностранными рабочими, мусульманами, молодежью из пригородов, приехавшими из Африки чернокожими и т.д. Этот «сумеречный» и «консервативный» страх рождает в людях желание иметь господина, дабы он их защитил, даже если положение *обеднения и угнетения* будет усугубляться.

Второй страх, существующий в большей или меньшей степени во всех западных странах (в странах «семерки»), есть «вторичный», «производный» страх, вызываемый первым. Все понимают и не принимают политику «разнузданного капитализма» – широкомасштабные действия, направленные на создание одного глобализованного мира. Для социалистов и буржуа нет сомнения, что Палестина, Иран, Афганистан, Ливан, Африка есть особый мир, однако никто из электората не протестует против законов, направленных против этих государств, и нелегальных рабочих, молодежи из пригородов, неплатежеспособных больных и т.д. Второй страх – «страх перед страхом», или «электоральный цирк», – аккумулируется в парадоксальное психологическое состояние избирателя: «Кого надо больше бояться – дворника-тамула или полицейского, что не дает ему жизни?», «Что опаснее: планетарное потепление или наплыв малайских домработниц?». Аффективная негативность приводит к распаду электорального субъекта, после чего манипулирование общественным сознанием есть дело техники средств информации: телевидения, радио, прессы. Страх, искусственно создаваемый государственными учреждениями, признает государство самодостаточным и действительным. Электоральный субъект делегирует свои страхи («сущностный» страх и «страх перед страхом») государству в надежде, что, признав его легитимным, он может рассчитывать на защиту от врагов.

Диалектика политической жизни такова, что страх неизбежно переходит в террор. «Государство, легитимность которого основана на страхе, потенциально правомочно стать террористическим» [8. С. 14]. Современные западные государства находят терроризму демократические формы, используя последние достижения техники: радары, контроль Интернета, систематическое прослушивание всех телефонов, фотографии, картографию перемещений и т.д. Над всем этим возвышается надзор как главный механизм государственного террора; приветствуется доносительство, скрепляющее все мерзости буржуазного общества. При первом удобном случае «контроль незамедлительно превратится в чистый обыкновенный государственный терроризм... У страха никогда не было иного будущего, кроме террора в самом общепринятом смысле этого слова» [8. С. 15].

Политика терроризма и провокаций возведена в ранг государственной политики ведущих западных государств. Во время войны в Чечне США и другие страны готовили диверсионные группы, снабжали их оружием и деньгами, заставляли пограничные государства пропускать банды наемников через свою территорию. События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, когда были захвачены якобы террористами из организации «АльКаида» четыре пассажирских самолета, протаранивших две башни всемирного торгового центра, где погибли три тысячи человек, в действительности вовсе не дело рук Усамы бен Ладена. Никакого Усамы Бен Ладена не существует – эта фальшивка спецслужб США, одобренная правительством. Как стало известно из итальянских средств информации, башни рухнули не в результате врезавшихся в них самолетов, а вследствие взрывов, спланированных заранее и осуществленных на нижних этажах. Высокопоставленные чиновники всемирного торгового центра заранее были предупреждены о готовящейся диверсии и в здании в это время отсутствовали. США, обвинив во всем Ирак, развязали агрессию на Среднем Востоке с целью установления контроля над нефтяными ресурсами данного региона.

Демократия изначально связана с подобными преступлениями: война США с Японией началась после принесения в жертву собственного флота, расположенного на Гавайских островах (Пёрл-Харбор); Вторая мировая война началась с провокации, учиненной фашистской Германией: переодетые в польскую военную форму немецкие солдаты разгромили свою радиостанцию в пограничном городке Глейвице и послали в эфир от имени польского правительства сообщение, призывающее поляков объединяться и убивать немцев. Немецкие диверсанты были расстреляны своими, зато повод для нападения на Польшу был «убедительным» – 1 сентября 1939 г. немецкие войска вошли на ее территорию и т.д. и т.д.

У страха, на чем держится западная демократия, нет иного пути, как перерасти в терроризм. Терроризм неизбежно перерастает в состояние войны, и война становится перманентной и глобальной. Современный президент США открыто заявляет, что всех ожидает «очень долгая война» – война против терроризма. Победного конца в этой войне не будет – это естественное и вечное состояния буржуазной демократии, которая

характеризуется двойственной природой: в одном случае идет война против терроризма, в другом – терроризм постоянно поддерживается и воспроизводится, т.к. без социальной напряженности господствующему классу власть не удержать. «Вот почему западные страны все больше задействованы на разных фронтах. Воинственно уже удержание существующего порядка, ибо порядок этот патологичен по своей сути. Умопомрачающие диспропорции, дуализм миров – бедного и богатого – удерживаются не чем иным, как силой. Война – вот мировой горизонт демократии» [8. С. 16].

Развязанная Грузией война против Южной Осетии и Абхазии 8 августа 2008 г. является классической по критериям «мировой демократии». США эта война необходима, чтобы спровоцировать большую кавказскую войну и расчленив Россию, мешающую сохранить однополярный мир. Грузии агрессия необходима, чтобы на волне антирусской истерии удержать власть проамериканским марионеткам. Правители тайно готовились к войне, получали новейшее вооружение из-за океана; американские специалисты обучали, как наносить удары в ночное время по мирному населению, женщинам, старикам и детям. Можно ли в условиях всеобщей войны надеяться, что красота спасет мир? Политика современных западных государств находится вне сознания красоты. Красота людей, красота произведений культуры и искусства не представлена в сознании чиновников от правящей элиты, поэтому без всякого сожаления разрушаются ценнейшие памятники. В городах Осетии и Абхазии безвозвратно погибли памятники архитектуры, как навсегда погибли произведения культуры и искусства в Афганистане, Ираке и других странах, подвергшихся нападению США и их сателлитов. На первое место выдвигаются власть, политические и экономические интересы правящей элиты государств-агрессоров; вещные сущности – нефть, газ, редкоземельные элементы в современной культуре оказываются первичнее духа: «не дух господствует над веществом, а вещество – над духом» [9. С. 17]. Красота есть понятие духовное, а потому она абсолютно бессильна в современном мире, где правят бал власть и деньги – вещи сугубо материальные. Не красота, но зло сегодня вышло на авансцену истории, «зло – это люди финансов, люди власти, которые похожи на крыс, на “человека-с-крысами”» (А. Бадью).

Идея Достоевского «красота спасет мир» была с самого начала эстетической *утопией*. Он понимал бессилие красоты в «преображении» социальной действительности, ибо красота напрямую связана с разрушением, гибелью, надрывами, свойственными человеческому существованию. Красота может привнести в человеческую жизнь зло и гибель. Поскольку красота находится внутри человека – «в мире неодушевленном – материальном и идеальном... нет красоты, безобразия, значительного и незначительного» [10. С. 199], постольку спасать необходимо самого человека, а вместе с ним и его красоту. Еще можно было бы как-то надеяться на спасительную роль красоты, если бы люди могли любить друг друга и находить в этом удовлетворение. Но Достоевский как великий мыслитель и провидец не верит в возможность построения общества всеобщего благоденствия на земле – человек

этого никогда не позволит. Словами Ивана Карамазова он говорит: «Я тебе (Алеше. – Ю.П.) должен сделать одно признание, ...я никогда не мог понять, как можно любить своих близких. Именно близких-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних... Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь...». Если кто-либо из читателей будет упорствовать и станет говорить, что Достоевский так не думал, на это возражение можно привести слова самого писателя: «Возлюбить человека, как *самого себя*, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [11. С. 33].

Следует перестать думать, что «красота спасет мир» – современный мир есть состояние перманентной войны, выйти из которого в обозримом будущем нам не удастся. Человечество «прогрессирует вспять». После падения Берлинской стены изменилась политическая география Европы и Азии: не стало Советского Союза, Югославии, Восточной Германии. После полувека «холодной войны», обеспечивающей мир и ста-

бильность в мире, начались «горячие войны»: в Афганистане, Ираке, Южной Осетии, Абхазии. Идут крестовые походы христиан на мусульман, возрождается христианский фундаментализм, начинается великое переселение народов, появляется рабство [12. С. 7–51]. В условиях глобализованного мира война становится нео-войной, обеспечивающей сверхприбыли международных корпораций, поскольку их интересы по ту и по другую линию фронта. Для надгосударственного капитализма нет победителей и побежденных – есть только прибыль. Этим и объясняется политика западных государств, рассчитанная на поддержание нестабильности.

Агрессии со стороны буржуазных демократических режимов следует противопоставить не «красоту» – отвлеченную гуманистическую идею, бессильную в современном мире, имя которому «война», но смелость и мужество трудящегося населения. Необходимо отбросить всякие иллюзии, вроде «красоты», преодолеть страх («первичный» и производный – «страх перед страхом». – А. Бадью) и готовиться к долгой и упорной борьбе, помня, что «мир добывается ценой множества, множества человеческих жизней» (У. Эко).

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиванов Ф.А. Спасет ли мир красота? // Селиванов Ф.А. Поиск ошибочного и правильного. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2003.
2. История красоты / Под ред. У. Эко. М.: Слово/Slovo, 2006.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.
4. История уродства / Под редакцией Умберто Эко. М.: Слово/Slovo, 2007.
5. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1977.
6. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001.
7. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. Москва: Наш дом; Екатеринбург: У-Фактория, 2000.
8. Бадью А. Обстоятельства, 4: Что именует имя Саркози? СПб.: Академия исследования культуры, 2008.
9. Мережковский Д.С. Тайна Запада. Атлантида–Европа. М.: Эксмо, 2007.
10. Шестов Л. Сочинения: В 2 т. Т. 2: На весах Иова (Странствия по душам). М.: Наука, 1993.
11. Достоевский Ф. Записные книжки. М.: ВАГРИУС, 2000.
12. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 8 октября 2008 г.